

ние систем мифологических персонажей и их появления в мифологической прозе двух регионов, причем в некоторых случаях рассматривать этот вопрос в историческом аспекте. Наиболее интересным является материал из приграничных районов или близких к границе России и Беларуси (Руднянский, Велижский и Краснинский районы Смоленской области и Лиозненский, Дубровенский, Витебский, Оршанский районы Витебской области).

Важнейшими являются следующие аспекты проблемы:

1. Тематические группы смоленских и витебских быличек и бывальщин.
2. Круг мотивов смоленских и витебских быличек и бывальщин.
3. Система демонологических персонажей в традиционной культуре Смоленщины и Витебщины.

Рассматривая сравнительное исследование народной демонологии как одну из перспективных проблем в изучении взаимопроникновения культур в русско-белорусском порубежье, не следует ограничиваться в дальнейшем лишь двумя регионами России и Беларуси, а исследовать проблему на более широком пространстве порубежья.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00591а/Б2)

1. Добровольский В.Н. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями // Живая старина. – 1898. – Вып. 3 – 4. – С. 357 – 380.
2. Добровольский В.Н. Нечистая сила в народных верованиях. (По данным Смоленской губернии) // Живая старина. – 1908. – Вып. I. – С. 1 – 16.
3. Добровольский В.Н. Различия в верованиях и обычаях белорусов и великорусов Смоленской губернии // Живая старина. – 1903. – Вып. 4. – С. 470 – 475.
4. Никифоровский Н.Я. Нечистотики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск: Изд. Н.А. Паньков, 1995.

СТРАДАНИЕ КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ФОРМИРУЮЩИЙ ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ ПОГРАНИЧЬЯ

В.А. Маслова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Страдание – важнейший концепт культуры, который влияет на формирование языковой личности. Исследование выполнено с привлечением художественных текстов русско-белорусского пограничья.

Казалось бы, этот концепт должен однозначно восприниматься представителем любого языка. Э. Фромм писал: «...страдание – это, пожалуй, единственное эмоциональное состояние, которое является общим для всех людей» (Фромм, с. 117). Однако наблюдения даже над близкородственными языками опровергают это утверждение.

История концепта *страдание* уходит в античную и библейскую традиции. В античности смысл жизни видели в удовольствиях, доставляемых чувственными наслаждениями, которые всегда связаны со страданиями. Но из-за боязни страданий не следует отвергать наслаждения. По Аристотелю, мужество сопряжено со страданиями. В самом деле, переносить страдания тяжелее, чем воздерживаться от удовольствия. Аристотель считал, что *страдание* – это зло, его избегают, оно является злом либо в безотносительном смысле, либо как препятствие для чего-то. В античной философии считалось, что страдания выпадают на долю человека

в соответствии с законами судьбы. По этой причине сочувствие тем, кто страдал, не считалось благом.

В Ветхом завете, который известен носителям любого языка в христианском мире, сказано: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы лететь вверх». В старозаветной иудейской религии страдания также считались негативным явлением и в соответствии с традицией воспринимались как Божья кара за грехи. Понятие страдания является весьма важным в православном учении о спасении. Еще апостол Павел поучал, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян.14:22). Через страдание Господь учит верующего и очищает душу и тело его от грехов для того, чтобы сделать всего человека праведным (Евр.12:4–13). И хотя праведность даруется Богом человеку втуне, по вере (Рим.4:3), но со стороны человека для принятия этой праведности требуются дела веры или терпеливое перенесение страданий.

Новый Завет рассматривает страдания как средство спасения людей, как знак любви Бога к человеку. Следовательно, сюжет очищающего страдания восходит к канонам христианства. Только на Руси существовал культ невинной жертвы: например, святые Борис и Глеб были канонизированы уже в 1072 году на том основании, что невинно убиенные – это мученики. В Византии этого не было, т.е. наличие данного культа – пример сочувствия людским страданиям.

В русской культуре, которая формировалась под сильным влиянием библейской традиции именно так и понимается страдание. С христианской точки зрения, смерть и страдания присутствуют в мире как результат грехопадения. «Христос страдал и нам велел, – говорили русские люди, – пострадаем Бога ради, выстрадаем Небесное Царство. Рады страдать за Веру, за Русь, за Царя. Все перестрадаем». Такого отношения к страданию, пожалуй, не существует ни у одного другого народа.

Даже близкородственные по языку и культуре белорусы имеют иную конфигурацию в окружении данного концепта. Хотя в толковом словаре белорусского языка и отражены два основных значения данной лексемы *пакуты* – ‘страдания’ (третье – песенный жанр «Страдания» – отсутствует в белорусской культуре), но широко функционирует в языке лишь значение физического страдания. Из 350 выбранных нами контекстов в 80% случаев речь идет именно о физических страданиях, муках: *Часам дзверы вагона адчыняліся, і людзі маглі ступіць на зямлю, выпіць пэўную порцыю вады, атрымаць кавалачак дрэннага хлеба, глынуць свежага паветра. А потым зноў пакуты* (Я. Маур). Здесь *пакуты* – отсутствие воды, хлеба, воздуха в закрытом пространстве вагона. Это физические муки. Влияние христианской культуры и христианского миропонимания встречается лишь в прямых молитвах, не проникая глубоко в народное языковое сознание:

Божа Вялікі! Наш Божа Магутны!

Дай у пакутах знаходзіць спакой...

Синонимы нему *мука*, *крыж* - «крест» (перен.). Антоним: *асалода* - «наслаждение». Наиболее частые определения: *людская*, *чалавечая*.

Эпитеты: *пакута* - *безнадзейная*, *бязвыхадная*, *бязмежная*, *бязмерная*, *бязконца*, *вечная*, *вялікая*, *глухая*, *дарэмная*, *даўняя*, *дзікая*, *душэўная*, *жахлівая*, *жорсткая*, *жудасная*, *злая*, *знясільваючая*, *кывавая*, *неадступная*, *неверагодная*, *невыказная*, *невымерная*, *неймаверная*, *нязносная*, *нелюдская*, *нярадасная*, *раўнівая*, *салодкая*, *сардэчная*, *смертная*, *таемная*, *тайная*, *сцяргімая*, *пякучая*, *творныя* (мн. число), *шматразовая*, *шчымлівая* (Э. Пазнякоў. Слоўнік эпітэтаў).

Как уже отмечалось, *пакута* – душевное состояние человека встречается лишь в сравнительно небольшом количестве контекстов:

*Як ёсць к каму душою прыхінуцца,
Хаця грызе пакута ад бяды,
У цеплыні магчыма апынуцца,
Таўшчэзныя ў душы растануць льды* (Анатоль Балугенка).

Используясь в данном значении, *пакута* становится сладкой: *Мая салодкая пакута, / Мая заплаканная радасць...* (А. Наркевич). Чаще, чем в русском языковом сознании, *пакута* возникает под воздействием внешних обстоятельств:

*Даруй усё: адчай, і сум, і страх,
Нясцёрпную пакуту адзіноты
І крык адчаю, згублены ў начах,
Ды толькі ты і чуць мяне не хочаш...* (Н. Весялуха).

Страдание – это тяжелая ноша, поэтому *ношы пакут* (Г.Бураўкін), его нужно скрывать: *Не зацела, каб пакута ўсім была відна* (Г.Бураўкін) и остерегаются, что приводит к обеднению чувств:

*Няўжо мы некалі сабе даруем,
Што сірацела наша пачуццё,
Што уласнай волей самі старацелі
Засцярагаючыся ад пакут* (Г.Бураўкін).

Теснее, чем в русском языковом сознании, *пакута* связана с любовью: *Каханне – найцяжэйшая з пакут. / Мая добраахвотная пакута* (А. Грачанікаў); *Я думаю, / Што каханне – / То пакуты, / Якія немагчыма перажыць* (Г.Бураўкін).

Именно для белорусов страдание – это призыв на борьбу: «*выклік на барацьбу, гэта крык жыцця*» (Н. Весялуха). Здесь мерцает смысл *быть под гнетом*, который был зафиксирован В.И. Далем в его толковом словаре, но потом ушел из русского языка, а остался в языковом сознании белорусов, потому что исторически они были более угнетены: белорусский народ до XX века не имел своей государственности, а потому призывом к независимости становились народные страдания.

Значительно теснее, чем в русском языковом сознании, страдание связано с получением знаний: *Без мукі няма навукі* (прыказка). *Пакутамі вызначана нам дабываць крупіцы мудрасці, якую не здабыць у кнігах.*

Только белорусы рассматривают как страдание невозможность трудиться: *Няма злейшага пакутавання, як нічога не рабіць.*

С одной стороны, страдание должно быть незаметным, чтобы не побуждать окружающих к действиям: *Страдания человека со стороны не заметны; Великие страдания немые* (поговорки), а с другой они все же оставляет отпечаток на лице, что закреплено в языковом сознании обоих народов: *Я надялася, што мама прыедет мне на помощь, но она сидела спокойно, и только лицо ее выражало страдание*» (Диана Рубис). *Наталя Пятроўна сядзела, сціскаючы скроні далонямі, і на твары яе была пакута* (І. Шамякін).

Таким образом, в языковом сознании белорусов складывается иная связь описываемых нами концептов.

Однако на наших глазах отношение к страданию начинает меняться в : из него уходит все позитивное. Как показывают самые современные словари и энциклопедии, например, энциклопедия "Русская цивилизация" О. Платонова (http://mirslouvrei.com/content_rusenc/stradanie-86236.html), *страда́ние* — совокупность крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа, при котором оно испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, муки. *Страдает тот, кто не хочет радоваться* (Георгий Александров). Собственным страданием можно упиваться: *Он все время ждет, что слу-*

читься что-то неприятное, непредвиденное, жалеет себя и упивается собственным страданием. В современной культуре страдание низводится до болезни тела. Как говорит президент Российской гастроэнтерологической ассоциации Владимир Ивашкин, «печень страдает молча, и это молчаливое страдание – причина, по которой многие считают, что у них все в порядке».

Лишь генетической памятью мы понимаем, что страдание делает человека Человеком: «И если некоторым людям не хватает сострадания, значит, должен быть механизм, который бы принудил их поступать по-человечески» (газета «Друзья животных». Минск, 2011, № 17).

Итак, концепт *страдание* тесно связан в русской культуре с *мужеством*, которое позволяет переносить тяжесть страданий, *греха*, во искупление которого даются страдания, *страха*, ибо страдания даются самой судьбой, а также *совести* (Достоевский считал, что человек сам ищет страдания, чтобы упокоить свою совесть), *благодатью* («страдания – святая благодать» у В. Жуковского), *страдание* – обратная сторона *любви*, а значит связано с концептом «счастье», а также с многочисленными синонимичными концептами *сострадание*, *сопереживание*, *сочувствие*, *милосердие*, *жалость*, *милость*. На периферии данной концептосферы находятся концепты *радость*, *счастье*, и даже *юмор*. В белорусской культуре *страдание* тесно связано с *любовью*, *тяжелой ношей*, *терпением*, *борьбой* и *трудом*. Следовательно, данный концепт многолик и в русском, и в белорусском языковом сознании, но связаны он с разными концептами, создающими свою для каждого народа концептосферу страдания.

1. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.

ОТАНТРОПОНИМНАЯ УРБАНОНИМИЯ ВИТЕБЩИНЫ И СМОЛЕНЩИНЫ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ

А.М. Мезенко

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

В последние десятилетия в науке об именах собственных на первое место выходят вопросы региональной ономастики, привлекающие внимание все большего числа современных исследователей (в России Е.Л. Березович, Л.И. Дмитриева, Л.А. Климкова, Г.Ф. Ковалев, И.А. Королева, Н.А. Максимчук, Р.Ю. Намиткова, С.А. Попов, А.Н. Соловьев, В.И. Супрун, Ю.И. Чайкина, А.И. Яценко; в Беларуси В.М. Генкин, Ю.А. Гурская, А.Н. Деревяго, З.М. Заика, И.Л. Копылов, О.М. Ляшкевич, А.А. Лукашанец, А.Ф. Рогалев, Г.К. Семенькова, Т.И. Синкевич, Т.В. Скребнева, П.В. Стецко, З.В. Шведова, В.В. Шур, Н.Р. Якубук и др.). Одним из важнейших направлений современной топонимики является сравнительно-сопоставительное.

Восточнославянская урбанонимная традиция складывается из региональных и местных традиций. Активные изменения в общественно-политическом устройстве, укладе жизни бывших республик СССР, в частности Беларуси и России, находят свое отражение в названиях внутригородских объектов исследуемых приграничных регионов – Витебщины и Смоленщины, послуживших **материалом** данного исследования.

Цель работы – выявить общие и отличительные черты в отантропонимных системах урбанонимов приграничных белорусских и русских городов (основой для сопоставления послужили данные А.Н. Соловьева по урбанонимии Смоленского края).